

Происшествие на грядке

Наша воробьиная семья жила на хорошеньком участке в конце 3-ей улицы, а вся Большая Стая занимало садово-огородническое общество «Аэратор» на берегу Залива. Мы с братишками и сестренками, включая и двоюродных, собрались на дорожке между луковой и морковной грядками и громко чирикали, обсуждая последнее трагическое событие. Вчера эта пучеглазая гадина, Ворона, сидя на коньке крыши нашего кирпичного домика, изогнула, как змея, шею и засунула свою башку под конек, где родители свили гнездышко. Ее длинный клюв как два железных гвоздя щелкнул, и мы лишились нашего малютки Мошкубея. И теперь мы, горько оплакивая маленького братца, размышляли, как эту сволочь проучить. Сначала, как обычно, стали робко предлагать собрать общее собрание (ну, припрутся на собрание те же вороны, их много, и всех захрипят и закаркают), написать заявление (интересно: куда?), а потом отчаянный Первымбей рванул перышко у себя на грудке: «Выкрасть у нее птенчика!». «Правильно! Око за око!» - заорали все, но наблюдательная Краснолапка невозмутимо заметила, что птенчик у вороны в последние дни сильно вырос и сам стал как взрослая ворона. Так что, выкрасть - это навряд ли. Тогда Слетубей, известный во всем обществе скандалист и сквернослов, распалился до того, что предложил заклевать до смерти саму гадину, налетев на нее всей Большой Стаей. «И в расход ее, подлюку!». «В расход! В расход!» - горячо поддержали собравшиеся. Но тут наши двоюродные братцы, Бубнубей и Крестубей, пряча глаза, загундосили себе под нос, что сговорить всю Большую Стаю не удастся, что кража у воробьев птенчика - дело привычное, чуть ли не законное, а расправа с вороной — неслыханная и уголовно наказуемая затея. Мы опять приуныли. Потом были и другие, смелые, но, как быстро выяснялось, авантюрные предложения. Мы бы так еще долго сидели и толкли воду в ступе, успокаивая самих себя и понимая, что все равно ничего сделать не удастся и эта гадина останется безнаказанной, как вдруг случилось нечто, заставившее нас забыть тему нашей дискуссии. Валомбей по прозвищу Крикунок, нагловатый двухлетка, которого в последнее

время неоднократно видели сидящим на одной ветке с Вороной, неожиданно изловчился, подскокнул и схватил бабочку-капустницу, пролетавшую мимо. (Что-то подсказывало мне, что не случайно она здесь появилась. Уж больно низко и беспечно пролетала она, как будто специально хотела отвлечь нас от тяжелых мыслей). Крикунок с бабочкой в клюве опустился в полуметре от стайки, долбанул ее разок для верности, чтоб не трепыхалась, и, задрав башку и скосив ее набок, уставился на нас форменным героем: «Видали?» - нагло заорал он, - «А вы так можете? Или слабо?». Все сначала немножко оторопели от такого хамства, а потом разом затрещали. «Это общая бабочка! Мы всегда делимся добычей! У нас уговор! И родители так учили!». А Слетубей бочком и как бы незаметно, с безразличным видом, в два мелких скока приблизился к хвосту. Но Крикунок маневр раскусил, отскочил вместе с бабочкой еще на полметра и опять уставился на нас. «Да вы слабаки!» - продолжал он орать на весь огород. «Куда вам бабочку поймать! Привыкли в мусоре рыться, да всего бояться. А старики вас просто дурят! Надо действовать решительно, как я, и брать свое, законное!». Тут все загалдели на разные лады: «Правильно говорит, надо брать! Да врет он все, у нас другие порядки!». Вообще-то, Крикунок отчасти был прав. Нам, воробьишкам, поймать бабочку не так-то просто. Мы же не стрижи какие-нибудь, которые носятся, как сумасшедшие, да еще на лету хватают всяких мелких мошек. Мы и летать-то так быстро не можем. А чтобы поймать кого-нибудь, нам надо подобраться поближе, занять удобную позицию, прицелиться, а потом подпрыгнуть, да и то вопрос, попадешь ли куда надо. Но издевательский тон Крикунка задел всех, да и бабочку хотелось попробовать, и вся стайка мелкими шажочками стала придвигаться поближе к выскочке. Даже отчаянные тусы, Бубнубей и Крестубей, не отлетели втихаря, как обычно, в соседние кусты, а вместе со всеми притеснялись к Крикунку. Но Крикунок был начеку и держал дистанцию, то отлетая в сторону, то прыгая вокруг стайки. Эта игра в кошки-мышки продолжалась бы неизвестно сколько, но Слетубей не стерпел и решительно и откровенно ринулся на наглеца. Крикунок понял, что продержаться дольше не сможет, схватил полумертвую бабочку и перемахнул с ней через забор на соседний участок, с которым мы не дружим. Все смолкли, сообразив, что нас опять обманули. «Ну, как же так? Несправедливо ведь!» - заныл Слевабей. «Не имеет права!» - подхватил Справабей. Даже умненькая Краснолапка поддержала их. «Да, несправедливо, всегда этот Крикунок чего-нибудь выкинет». «Ну, дождетса он у меня!», злобно сплюнул в сторону Слетубей. Я обычно отмалчивался на собраниях, сидя в сторонке и боясь сказать какую-нибудь глупость, но тут мне в голову что-то ударило, и я

запальчиво прокричал: «Но, может быть, он прав, а у нас, бестолковых, мозги кривые?»¹. (Вообще-то, я не сам эти слова придумал, а где-то читал их, но где, вспомнить не могу). А потом, поправив очки, стал соображать про себя и засомневался: «А чего я брякнул-то сдуру? Ведь и на самом деле не по-братски вышло. Да и вообще, ну его, Крикунка, подальше, свяжешься с ним, потом не отмоешься». Мы еще погалдели некоторое время, ругая на все лады Крикунка, а кое-кто предложил даже исключить его из наших рядов. Но потом, так ничего и не решив, разлетелись кто куда.

Меня вся эта история сильно расстроила. Я стал думать: а чего этот подлец Крикунок издевался-то над нами? Ну, сожрал бы свою бабочку в сторонке молчком, и делу конец. Нет, надо было попрыгать, поизгаляться. Внимание что ли отвлекал? Вот про Ворону все и забыли. А малютку Мошкубея уже не вернуть. И так у нас всегда: шумим, чирикаем, а результат — ноль. И еще я понял, что мы, воробьишки, никогда сами ничего не решим и не сделаем. Всегда один говорит одно, а другой — прямо противоположное. Вот хорошо бы иметь такого сильного и мудрого Воробья, который мог бы справедливо и с пользой для всех разрешать наши проблемы, а его бы все слушались. И чтоб не обижал слабых воробьишек, заботился обо всех, а не только о своих друзьях, не позволял бы Вороне воровать наших птенчиков. Нет, такого Воробья нам не найти. Да его просто не существует, а если и есть где, то к нам он уж точно не залетит. И придется нам и дальше рыться в мусоре, со страхом оглядываться на каждую ворону и только мечтать о вкусненьких червячках на каждый день для наших птенчиков.

¹Искаж. от «Но, может быть, я прям, а у судьи неправого в руках кривая мера?», В. Шекспир, сонет № 121, пер. С. Маршака.